

DOI: 10.15372/HSS20160409
УДК 94(574)+ 323.37 "1920/1939"

Д.А. АМАНЖОЛОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЮРОКРАТИИ КАЗАХСКОЙ АССР В 1920–1930-е гг.*

Институт российской истории РАН,
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Автор рассматривает некоторые аспекты истории социально-бытового обеспечения казахстанской бюрократии. Основное внимание уделяется историко-географической и этносоциальной специфике оплаты труда, снабжения и быта, становления системы льгот и привилегий партийно-советской номенклатуры в КазАССР в 1920–1930-е гг. в сравнении с общесоюзными и некоторыми региональными показателями. Обращается внимание на организационные и социально-культурные проблемы формирования номенклатуры, ее материального обеспечения, статуса и социального облика в связи с политикой коренизации кадров, а также созданием мобилизационной экономики и новой общественной иерархии. Приведены данные о динамике численности, изменениях в заработной плате, продуктовом снабжении и организации санаторно-курортного лечения бюрократии КазАССР.

Советская бюрократия, номенклатура, Казахстан, заработная плата, социальное положение, быт, досуг.

D. A. AMANZHOLOVA

FROM THE HISTORY OF SOCIAL SUPPORT OF THE BUREAUCRACY OF THE KAZAKH SSR IN THE 1920–1930s

Institute of Russian History RAS,
19, Dm. Ulyanova str., Moscow, 117036, Russian Federation

The regional nomenclature was an important political force in cementing the Soviet system. However, issues of its social amenities and developments in the standard of living, especially as exemplified by the national state entities, have not been addressed sufficiently. The motivation for strengthening the bureaucratic status largely developed owing to the opportunity to improve the financial situation. The objective conditions for the workplace arrangements were very difficult in Kazakhstan in the 1920s–1930s. The Kazakh officials combined administrative resources and traditional ethno-social ties to solve social problems. The informal administrative resource, unofficial communications and privileges increased the gap between officialdom and citizens. Administrators who knew the Kazakh language well received benefits in accordance with the decision of the CEC and the CPC KASSR of September 1, 1933. The new hierarchy of social relations opportunistically united administrators and managers. The widespread centralization and better methods of nomenclature formation enhanced the integrity of the system. At the same time due to the specifics of historical-geographical and ethno-social conditions the material and social status of the regional officials could differ substantially from that of the central authorities. Sophisticated hierarchical system of measures of material and social support for the officials provided an incentive for the strict observance of corporate discipline, unconditional fulfillment of duty, devotion to the official ideology.

Key words: the Soviet bureaucracy, Kazakhstan, salary, social status, everyday life, leisure.

Региональная номенклатура была важной политической силой в цементировании советской системы [1,2], но вопросы ее социально-бытового обеспечения и изменения уровня жизни, особенно в националь-

но-государственных образованиях, пока не получили достаточного освещения [3]. Укрепление позиций местных элит определялось их значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах, что вы-

*Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-31-14001.

Дина Ахметжановна Аманжолова – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: amanzholova19@mail.ru.

Dina A. Amanzholova – Doctor of Historical Sciences, professor, Leading Research Fellow of Institute of Russian History RAS.

ражалось в поддержке власти при сохранении собственной культуры и местных традиций. Мотивация к укреплению бюрократического статуса во многом формировалась благодаря возможности использовать его для улучшения материального положения. При монополии государства на распределение всех ресурсов именно чиновники получали наибольший доступ не только к дефицитным, но и повседневно необходимым предметам [3, с. 12]. В статье освещаются такие аспекты организации жизнеобеспечения бюрократии КазАССР в период ее становления и укрепления института номенклатуры, как зарплата, снабжение, становление системы льгот и привилегий. Казахская бюрократия имела интернациональный состав и включала в себя прежде всего партийных и советских работников, а также номенклатурных сотрудников органов управления, профсоюзов, комсомола и некоторых других общественных организаций республиканского и регионального уровней. Основное внимание автором уделяется перечисленным категориям управленцев. В определенных ситуациях проявлялся и этнокультурный контекст их социально-бытового обеспечения.

Объективные условия организации труда и быта в республике были весьма сложными. В 1921 г. в столице автономии – Оренбурге – с населением в 100 тыс. чел. из 69 госпредприятий работало 41. В 1922 г. 89 % населения Оренбургской губернии голодало, быстро росла безработица, прежде всего в городах [4, с. 161–165; 5, с. 114–116, 121]. Председатель ЦИК КазАССР С. Мендешев сообщал Сталину: «Продовольственное положение у нас катастрофическое. Рабочие и служащие, находящиеся на государственном снабжении, не получают пайков за неимением у продорганов продуктов...» [6, с. 350–351]. Парработники 10–20 % пайка отдавали голодающим. Киробком РКП(б), занимаясь «себяснабженчеством», с целью поддержки сотрудников организовал для них распределение продуктов, бесплатную медпомощь, обучение их детей в школе и льготы по оплате коммунальных услуг [7, с. 83–84].

Рост заявлений в партию нередко определялся стремлением сделать чиновничью карьеру и обеспечить семью. В последнем случае методы не ограничивались благами распределительной системы. Пребывание на так называемых освобожденных должностях открывало широкие возможности для извлечения коррупционных доходов: «Из 16 низовых работников 14 взяточники», – заявил в ноябре 1927 г. партийный лидер Ф. Голощекин. Он констатировал: «...Мы выбрали в партийный, советский, профессиональный и хозяйственный аппараты все грамотное и полуграмотное, что было и есть среди казаков (киргиз)»¹. Среди советских служащих случаев привлечения к ответственности за пьянство и нарушение коммунистической этики было почти в 2 раза больше, чем среди рабочих. Доля партийцев, привлеченных к ответственности за так называемые «болезненные явления», была выше, чем

в среднем по СССР. В 1926 г. рассматривалось 308 дел по растратам, взяткам и превышению власти в основном коммунистами. Число жалоб «по бюрократизму аппарата» возросло на 296 %².

Содержание растущей бюрократии становилось чувствительным для бюджета. В парторганизациях в 1920–1921 гг. было 7 руководителей губкомов, 44 уездных, 23 районных, 10 подрайонных городских и 50 волостных комитетов РКП(б) – 134 чел. В состав бюрократии входили также работники названных выше организаций и отраслевых ведомств. В 1927 г. госаппарат насчитывал 47130 чел., в том числе 53 % – административно-управленческий. На II пленуме Казкрайкома партии (1926 г.) Голощекин заявил: аппарат получает «много денег» и предложил «сыскать чисто общественные, партийные силы, которые бы работали не за деньги»³. 25 тыс. представителей аппарата стоили бюджету 27 649 тыс. руб. «...на зарплату управленческого аппарата, ... без учителей, агрономов, врачей и т.д., шло от 48 до 50 % всего бюджета, больше 20 милл. рублей», – говорил на конференции представитель контрольной комиссии И.Н. Морозов. «...Этот аппарат для тощего бюджета Казахстана дорогое», – считал он: ни в одной республике нет такого соотношения расходов на управленцев и на оперативную работу, а «у нас плохая копия с РСФСР и СССР»⁴.

Средняя зарплата служащих госучреждений к 1927 г. составила 52,22 руб., учителей – 41,09 руб., врачей – 112,5 руб.⁵ Ставка народного судьи в 1926–1927 гг. (57,5 % из них – казахи) в некоторых районах была 55 руб., в пяти областях достигала 71,5–75 руб. На канцелярские расходы судьи и следователи получали от 5 до 12 руб. в месяц, на путевые – от 8 до 12⁶. Глава сельсовета в Белоруссии получал 15,6 руб., в Ферганской области – 12,5, в Актюбинской – с большим опозданием 5 руб. До кампании по мобилизации кадров секретари райкомов партии получали 160 руб. в месяц, а после нее – 75, и многие стремились вернуться к прежней работе и лучшему уровню жизни⁷.

² Там же. Л. 139, 140 об, 143 об, 144 об-145. Ориентировочная смета на оплату труда в Кустанайском округе выглядела так: средний оклад секретаря РК (14 чел.) – 95 руб., группора (13 чел.) – 77, апорга (14 чел.) – 77 руб., женорга (14 чел.) – 45 руб., двух секретарей районных ячеек – 45 руб. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 435. Л. 1–9).

³ Там же. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 139 об., 143 об., 144 об.–145; Оп. 69. Д. 61. Л. 9–10.

⁴ Там же. Л. 145.

⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 25. Д. 7. Л. 70, 77. Среднемесячная зарплата рабочих с 1926/27 по 1927/28 г. в КазАССР выросла с 53,4 до 58,7 руб. (Отчет правительства Казахстана // Прииртышская правда. Семипалатинск. 1929. 28 марта; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 68 об.).

⁶ При этом на один судебный участок приходилось 22,9 тыс. чел. и территория 12 872 км², на один следственный участок – 37,1 тыс. чел. (20 808 км²). Большинство следователей не имели делопроизводителей, у части не было даже своих камер, не хватало самой простой мебели. (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 4. Л. 22, 30).

⁷ За 1924 г. количество госслужащих в СССР было сокращено на 21 %, зарплата по госбюджету поднялась с 18 до 22 руб., по местному бюджету – с 13 до 22. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 184. Л. 30–52; Д. 188. Л. 73, 69; V Всеказахский (Всекиргизский) съезд Советов //

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 62 об., 49.

В мае 1926 г. средняя зарплата служащих г. Уральска (высшая за год) составляла по тарифной сетке 48,34 руб., вне ее – 93,93 руб. В сельских учреждениях губернии служащие получали в среднем «в червонных рублях» 31,25 руб., в бюджетных – 18,38⁸.

В период нэпа произошло не только определенное улучшение в экономике, но и рост цен. Были введены косвенные налоги на товары массового спроса – чай, сахар, табачные изделия и т.п. В Уральской губернии стоимость фунта простого мыла с 1913 по 1924 г. выросла с 0,1 руб. до 0,31 руб., аршина ситца – с 0,13 до 0,40 руб., сукна – с 0,95 до 5,99 руб. Пара мужских сапог в 1913 г. стоила 7 руб., в 1924 г. – 19,61 руб. В июле 1926 г. в госторговле она продавалась за 20 руб., в кооперативной – 19,25, в частной – 20 руб.⁹ Если зимой 1924/25 г. пуд пшеницы стоил 10 коп., аршин ситца – до 50 коп., то летом 1925 г. пуд пшеницы продавался за 1,5 руб. и выше, на промтовары цены снизились.

В 1926/27 г. в среднем доходы на душу населения по автономиям РСФСР составили 7,64 руб., в Казахстане – 4,64 (в Карельской АССР – 32,94 руб., в Крымской – 24,42, Калмыцкой АО – 16,11, Башкирии – 5,74). Потребность в жилье росла только в КазАССР, где душевая норма снизилась с 5,0 до 4,9 м², несмотря на прирост жилфонда за 1926/27 г. на 8,5 тыс. м² (55 %). При этом на стройках Риддера и Карсакая «масса рабочих продолжает вместе с семьями жить скученно в землянках-бараках. Между тем весь советский и другой общественный аппарат (РИК и пр. и их работники) занимают заводские помещения». Завоз дефицитных хлопчатобумажных тканей в КазАССР за 1925/26 г. составил 6,7 м на душу населения (в Башкирии – 6,4, в Крыму – 21,4, по РСФСР – 12,2). Кожевенных товаров в Казахстан поступило на душу населения – 0,31 руб., Башкирию – 0,38, Крым – 2,27 руб.¹⁰ В конце 1920-х гг. рыночные цены на овощи, мя-

Власть Советов. № 23–24. 1925. 14 июня. С. 25–26). В Джетысуйской области в 1924 г. аршин ситца стоил 80 коп., пуд пшеницы – 25 коп., но во время сдачи налога цена падала до 7–10 коп., тогда как корова стоила 18–20 руб., а 8 овец – 10 руб. В центральных губерниях СССР пуд пшеницы продавался за 1,1 руб. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 949. Л. 27.12). В октябре 1929 г. крайком решил довести зарплату председателей сельских и аулсоветов до 50 руб. в месяц (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 31. Л. 299 об.).

⁸ Статистический справочник по Уральской губернии. Уральск, 1928. Вып. III. С. 38–39, 43, 45, 49. В среднем по СССР зарплата застрахованных лиц наемного труда в 1926/27 г. составила 59,6 руб. В учреждениях, включая социально-культурные, она достигла 49,7 червонных рублей (Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг. М.: Гострудиндат, 1930, с. 5, 58). В связи с денежной реформой 1922 г. фактически параллельно с декабря 1922 по февраль 1924 г. действовали две системы цен — в бумажных деньгах и в золоте, связанные между собой через курс золотого рубля в «совзнаках».

⁹ Статистический справочник по Уральской губернии. Уральское губстатбюро. Уральск, 1925. Вып. I. С. 104, 108–109; Статистический справочник по Уральской губернии. Уральск, 1928. Вып. III. С. 94–95.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 164. Л. 101–102, 161, 209–210; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 433. Л. 12–13.

сомолочные продукты в бюджете рабочих и служащих отнимали до 35 % средств. Жилплощади в среднем приходилось по Карсакаю 2,58 м² на чел., по Джезказгану – 3,62, Байконуру – 2,76 м²¹¹.

В республиках система оплаты и снабжения номенклатуры строилась по аналогии с центром. В собственности номенклатура практически не имела ничего, что привязывало чиновника к обретенному статусу и должности, делало его зависимым и подконтрольным еще больше. При этом, в отличие от низовых работников, областные и республиканские кадры имели более благоприятные условия¹². Крайком партии в 1930 г. обнаружил, что выделенные для низового партаппарата средства использовались «для увеличения нужд окружного аппарата». Секретарям райкомов установленная крайкомом зарплата в 150 руб. в месяц была сокращена, а секретари партячеек Турксиба не получали зарплату в течение двух месяцев¹³. Свою роль сыграло общее ухудшение дел в условиях коллективизации и усилившегося голода. В 1932 г. в связи с «неправильным» расходованием продовольственного фонда в Алма-Ате секретариат Казкрайкома снизил дневную норму хлеба на 250–100 г разным категориям населения, снял с дополнительного снабжения сотрудников ПП ОГПУ, горотдела, милиции и других ведомств, а также сократил число льготников¹⁴.

Но это временное ухудшение только усилило стремление бюрократии к введению новых льгот. «Сейчас у нас идея закрытых распределителей играет крупнейшую роль», – заявил Голощекин на 2-м объединенном пленуме Казкрайкома и контрольной комиссии 3 февраля 1931 г.¹⁵ 16 января 1933 г. секретариат Казкрайкома партии установил натуральный бухучет по основным продуктам питания. Пропуски и карточки («заборные книжки») мог выдавать только директор закрытого распределителя. Отпуск дефицитных промтоваров составлял 50 руб. для внесенных в так называемый 1-й список, 35 руб. – во 2-й. Общее число снабжаемых с введением 3-й группы было увеличено на 200 чел. Первый магазин, где снабжались высшие руководители КазАССР, Наркомснаб должен был укрепить «наиболее проверенными, подготовленными коммунистами и комсомольцами». Что касается командировочных, то продукты выдавались не более 300 чел., остальные получали хлеб и сахар в центральном распределителе. Наркомснабу строго предписывалось ликвидировать отпуск продуктов кому-либо по запискам, включение в списки обслуживаемого краевого актива других лиц по заявлениям и т.п. НК РКИ и Наркомснаб раз в месяц проверяли распределители, особенно учет и расходование продуктов и промтоваров¹⁶.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 118. Л. 26–30.

¹² Там же. Ф. 17. Оп. 68. Д. 184. Л. 30, 46, 52; Оп. 67. Д. 97. Л. 4.

¹³ Там же. Оп. 25. Д. 78. Л. 52.

¹⁴ Там же. Д. 78. Л. 63.

¹⁵ Там же. Д. 58. Л. 6.

¹⁶ Там же. Д. 78. Л. 74 об.–75.

20 февраля 1933 г. секретариат Казкрайкома ВКП(б) утвердил литературные пайки: членам бюро – 30 руб. в месяц, заведующим отделами и их заместителям, ответственным инструкторам, заведующим секторами и членам крайкома комсомола – по 20, инструкторам – по 10 руб. Вскоре литературный паек в 10 руб. был установлен для помощников секретарей крайкома партии¹⁷. Дополнительное снабжение получал актив на «ударных» направлениях. В марте 1934 г. создается спецфонд для снабжения работников политотделов МТС: масло животное 1 кг в месяц (по возможности), мясо – 2 кг, печенье – 2 кг, «конфекты» – 1 кг на 1 работника¹⁸. Между тем в 1935 – первом квартале 1936 г. в ряде областей обнаружился «большой перерасход средств на содержание управленческого аппарата» – более 12 млн руб., при одновременном недофинансировании социально-культурных мероприятий на 17 200 тыс. руб.¹⁹

Управленцы, овладевшие казахским языком, по решению ЦИК и СНК КазАССР от 1 сентября 1933 г. получали надбавки к зарплате: за свободный разговор, чтение деловых бумаг и литературы на казахском языке 10 % к основному окладу, за полное владение (говорение, чтение, письмо на латинице) – 15 %. Знающие язык специалисты имели преимущество при устройстве на работу. Овладевшим языком специалистам предоставлялась научная командировка в пределах СССР или на курсы повышения квалификации на два-три месяца с сохранением содержания и возмещением расходов на поездку, а также предусматривалось закрепление квартиры и снабжение семьи на это время [8, с. 51–52]. В 1939 г. ставка первого секретаря Джамбулского обкома партии составляла 1400 руб., второго секретаря и двух секретарей обкома (по кадрам и пропаганде) – 1300 руб., заместителя заведующего организаторским отделом – 850, завсектором промышленных кадров – 800, завсекторами советских и совхозных кадров, инструкторов – по 775, заместителя заведующего отделом агитации и заведующего особым сектором – по 1200 руб. Технические секретари получали 350 руб., шоферы – от 350 до 420, завхоз и заведующий буфетом – по 400, машинистки – по 275 руб.²⁰

¹⁷ Литеры «А», «Б» и т.д. объединяли группы номенклатуры, имевшие разные уровни обеспечения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 78. Л. 138 об.–139, 155).

¹⁸ Руководству районов предписывалось снабжать их с семьями продуктами из децентрализованных заготовок наравне с партактивом; потребсоюзу – бумажной материей, трикотажем, туалетным мылом, папиросами, махоркой, галошами и т.д. Готовым платьем, тяжелыми тканями и шерстяными изделиями обеспечивали межрайбазы потребсоюза и закрытые распределители облпартактива, для работников политотдела устанавливался лимит в 100 руб. в месяц (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1297. Л. 184; Д. 1300. Л. 59).

¹⁹ По итогам проверки за нарушение финансовой дисциплины был понижен в должности председатель Южно-Казахстанского облсполкома, снят заведующий облфинотделом бывшей Карагандинской области, привлечены к парответственности наркомы земледелия и просвещения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1296. Л. 17–18).

²⁰ Государственный архив Жамбылской области РК (ГАЖО). Ф. 282. Оп. 1. Д. 28. Л. 9–12.

В 1930-е гг. вслед за центром секретариат Казкрайкома несколько раз принимал решения об организации отдыха и санаторного лечения краевого партактива и работников среднего звена. В январе 1932 г. решено было «максимально использовать» отпуска районного партактива для организации их отдыха и политподготовки. Дома отдыха (Боровое, Щучье, Уральский дом отдыха и кумысолечебница, Медео) надлежало обеспечить принадлежностями спорта, бесперебойно работающими мощными радиоприемниками, кинопередвижками и лучшими современными кинофильмами, библиотечками с партийно-массовой, социально-экономической и художественной литературой. Там же предлагалось «проработать основные вопросы теории и практики социалистического строительства, особенно материалы XVI партсъезда, пленумов ЦК и крайкома, XVII Всесоюзной партконференции»²¹.

В марте 1934 г. было создано Сануправление ХОЗУ ЦИК и СНК КазАССР. При этом работавших в поликлинике сестер, завхоза, бухгалтера и других технических сотрудников из числа административно-ссылных бюро крайкома постановило уволить, несмотря на очевидный дефицит кадров²². Первая база отдыха под Алма-Атой в 1930 г. была рассчитана на 12–15 чел., к 1935 г., несмотря на разного рода трудности (когда курорт «Каменское плато» в 1935 г. решили переоборудовать для ответработников, выяснилось, что там имелось всего 48 изношенных кибиток, 30 из них на 80 чел. подлежали ремонту, продовольствия не хватало даже на месяц, обеспеченность мебелью составляла 50–80 %, бельем и халатами – 50 %) [7, с. 86–87], число домов отдыха и дач для партактива, как и отдыхающих, увеличилось. Так, в дом отдыха № 4 Казкрайком ВКП(б) вместо 60 чел. прикрепил 130 (58 семей руководящих работников). Начальник ХОЗУ Н. Куварзин жаловался на «нетактичное поведение» отдыхающих и предложил взимать с членов семей свыше 2 чел. плату по 10 руб. в сутки и штраф за порчу садов и насаждений.

В начале 1930-х гг. дома отдыха постепенно оборудовались радиоприемниками, спортивным инвентарем, кинопередвижками и библиотеками. В 1936 г. для номенклатуры работали четыре закрытых дома отдыха (в том числе с соляриями и биллиардом), но один из них был доведен активистами до «антикультурного состояния». В 1937 г. под Алма-Атой на партийные средства были открыты два дома отдыха для секретарей райкомов и облактивов. До 143 мест в год казахстанской номенклатуре выделяла лечебная комиссия ЦК ВКП(б) на курортах и в домах отдыха Кавминвод, Мацесты, Севастополя и др. С 1933 г. строятся дачи для ответработников КазАССР. Первые руководители имели каркасно-камышитовые усадьбы в девять комнат, крытые железом, общей площадью 164 м², с высотой потолков 4 м, с мебелью, постельными принадлежностями

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 69. Л. 6.

²² Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1297. Л. 82.

и обслуживающим персоналом²³. По итогам 1939 г. по распоряжению ЦК КП(б) Казахстана ответственные партработники, не использовавшие очередной отпуск, получали денежную компенсацию, для технического персонала отпуск переносился на следующий год. Лечебное пособие выдавалось решением бюро обкомов партии по ставкам зарплаты, существовавшим на ноябрь 1939 г. [9, с. 530–532, 539, 118–119; 10, с. 71]²⁴. Для советско-партийного актива КазАССР к 1936 г. были открыты также больница, поликлиника, диетическая столовая, прачечная, аптека.

Постепенно развивалось транспортное обслуживание. В 1927 г. ответработники крайкома партии имели фаэтон на резиновом ходу с парой выездных лошадей, хотя Голощекин ходил на работу пешком. И в 1929 г. автомобиль был роскошью: по маршруту Павлодар – Акмолинск – Агбасар – Кустанай – Петропавловск руководители КазАССР ездили на «Фиате» с запасом бочки бензина и охранником из ГПУ, встречая в степном бездорожье десятки верховых на лошадях, впервые увидевших «шайтан-арбу» [7, с. 88–89]. В марте 1934 г. 37 автомобилей ГАЗ, выделенных Казахстану, бюро крайкома направило на места, в каждый район по одной машине. В 1935 г. КазЦИК и СНК имели 30 легковых и грузовых автомобилей 1933–1934 гг. выпуска (в том числе «линкольн», 3 «бьюик-лимузина», 2 «бьюик-торпедо», 2 «форда-лимузина»), 28 лошадей, 6 фаэтонов с кожаным и 3 с брезентовым верхом, 6 пролетов, 12 выездных и 11 грузовых саней. Машины выделялись для руководителей и ближайшего окружения совпартаппарата [7, с. 88–89].

Административный неформальный ресурс, кулуарные связи и привилегии усиливали разрыв между чиновничеством и рядовыми гражданами. Новая иерархия общественных отношений конъюнктурно объединяла управленцев, а повсеместное усиление централизации и шлифовка методов формирования номенклатуры укрепляли ее системную целостность. Вместе с тем специфика историко-географических и этносоциальных условий порой существенно отличала социально-бытовое положение регионального чиновничества от центрального. Четкая иерархическая система мер материальной и социальной поддержки чиновников служила важным стимулом к строгому соблюдению корпоративной дисциплины, безусловно исполнению служебных обязанностей, преданности официальной идеологии. Степень материального благополучия зависела от места во властной иерархии. Бюрократы пользовались всем лучшим на своем уровне. Самоснабжение из общих государственных фондов, выделяемых для конкретной местности, вело к ухудшению положения всего населения региона.

Но возможности его руководителей были ограниченными [3, с. 135], что показывает пример Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлевнюк О. Система центр-регионы в 1930–1950-е годы // *Cahiers du monde russe*. 2003. № 44/2–3. С. 253–268.
2. Периферийность «центра» в современных национальных исторических нарративах // *Forum AI, Ab imperio*. 2012. № 1. С. 47–102.
3. Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
4. Рянгин И.В. Оренбург будущего // *Советская Киргизия*. 1924. № 5–6. С. 161–165.
5. *Футорянский Л.И.* История Оренбуржья. Оренбург, 1996. 183 с.
6. Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: сб. док. Караганды: КарГУ, 2005. 495 с.
7. Чиликова Е.В. Особенности быта партийных руководителей Казахстана в 20–30-е гг. XX столетия // *Политическая история Казахстана: первая половина XX века: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Алматы: Архив Президента РК, 2005. С. 80–90.
8. О коренизации. Сб. руководящих материалов / сост. Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева. Алма-Ата; М.: Казкрайиздат, 1934. 54 с.
9. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. М.: РОССПЭН, 2009. Кн. 2. 1095 с.
10. *Мирзоян Л.И.* Ближайшие задачи Казакстанской парторганизации. Доклад Крайкома VIII Казакстанской конференции ВКП(б) 8–9 января 1934 г. Алма-Ата: Казпартиздат, 1934. 100 с.

REFERENCES

1. *Khlevnyuk O.* System Center – Regions in the 1930s–1950s. *Cahiers du monde russe*. 2003, no. 44/2–3, pp. 253–268. (In Russ.)
2. Peripherality of “center” in the modern national historical narratives. *Forum AI, Ab imperio*. 2012, no. 1, pp. 47–102. (In Russ.)
3. *Osokina E.* Behind the facade of “Stalin’s abundance”. The distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927–1941. Moscow: ROSSPEN, 1999, 271 p. (In Russ.)
4. *Ryngin I.V.* The Future Orenburg. *Sovetskaya Kirgiziya*. 1924, no. 5–6, pp. 161–165. (In Russ.)
5. *Futoryanskiy L.I.* History of Orenburg. Orenburg, 1996, 183 p. (In Russ.)
6. Russia and Central Asia. 1905–1925. Collected documents. Karagandy: KarGU, 2005, 495 p. (In Russ.)
7. *Chilikova E.V.* Specifics of Everyday Life of the Party Leaders in Kazakhstan in the 1920s–1930s. *Politicheskaya istoriya Kazakhstana: pervaya polovina XX veka. Materialy Mezhdunar. nauchno-prakt.konf.* Almaty: Arkhiv Prezidenta RK, 2005, pp. 80–90. (In Russ.)
8. On Indigenization. Collected instructions / Comp. E.I. Knyazev. Alma-Ata; Moscow: Krayizdat, 1934, 54 p. (In Russ.)
9. CK ВКП(б) and National Issue. 1933–1945. Moscow: ROSSPEN, 2009, 1095 p. (In Russ.)
10. *Mirzoyan L.I.* The nearest tasks of the Kazakhstan Party Organization. Report of the Kraikom at the VIII Kazakhstan Conference of VКP(б), January, 8–9, 1934. Alma-Ata: Kazpartizdat, 1934, 100 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.09.2016

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 37–38.

²⁴ ГАЖО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 28. Л. 48.